

К ИСТОРИИ ОДНОГО КУПЛЕТНОГО МОТИВА: «LA BONNE AVENTURE, Ô GUÉ»

Среди немногочисленных шуточных стихотворений как Баратынского, так и Дельвига дружеская эпиграмма на Льва Пушкина — «Наш приятель Пушкин Лев...» — вспоминается, пожалуй, одной из первых:

Наш приятель, Пушкин Лёв
Не лишен рассудка —
И с шампанским жирный плов
И с груздями утка
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
Силою желудка.

[Баратынский 2012: 163]

Этот куплет пользовался большой популярностью у составителей рукописных сборников, где его сочинение настойчиво приписывалось Пушкину — но не Льву, а, разумеется, Александру¹. Пушкина называли автором и другого распространенного куплета, написанного той же строфой, — «Федор Глинка молодец...»:

Федор Глинка молодец
Псалмы сочиняет;
Его хвалит Бог-Отец,
Бог-сын потекает;
Дух Святой, известный льстец,
Говорит, что он певец...
Болтает, болтает!

[Там же: 166]

Напряженные споры об авторстве куплетов были разрешены только в начале 1910-х гг. публикацией ряда свидетельств современников. В 1912 г. увидели свет мемуары А. И. Дельвига, уверенно назвавшего сочинителями эпиграмматических куплетов Баратынского и Дельвига [Дельвиг 1912–1913: I, 522], а в 1914 г. М. Л. Гофман [Баратынский 1914–1915: I, 325] ввел в научный оборот относившуюся к обеим стро-

¹ Перечень выявленных рукописных списков и ранних публикаций с атрибуцией А. С. Пушкину см. [Баратынский 2012: 163–165].

² Судя по записи А. И. Дельвига, при исполнении последние строки куплетов повторялись, о чем говорит нотация: «Силою желудка (bis)». Это свидетельство немаловажно для реконструкции того, как именно звучали пародийные куплеты.

фам запись С. А. Соболевского на полях тетради Лонгинова-Полторацкого: «Дельвига, Баратынского, Плетнева, самого Льва и Компании» [ОР РГБ. Ф. 233. Карт. 162. Ед. хр. 1. Л. 89 об. — 90].

Свидетельства Соболевского и А. И. Дельвига не только оказались значимыми для атрибуции эпиграмматических строф, но также дали основания прочитывать куплеты о Льве Пушкине и Федоре Глинке, до того печатавшиеся вне всякой связи друг с другом, как строфы одного «стихотворения». К указаниям Дельвига-племянника восходит традиционный теперь порядок следования куплетов: «Дельвиг одно из стихотворений, написанных им вместе с Баратынским, начал следующей строфою: „Наш приятель Пушкин Лев...“ <...> За эту строфою следовала строфа о поэте Федоре Николаевиче Глинке <...> Затем следовали строфы о других лицах...» [Дельвиг 1912–1913: I, 52]. О том, что строфа о Льве Пушкине открывала целую серию куплетов, сообщал в письме к Лонгинову летом 1858 г. и Соболевский: «Этих куплетов целые сотни; они импровизировались у Плетнева по субботам Баратынским, Дельвигом, Ертелем и Львом Пушкиным...» [Соболевский 1927: 42–43]. Из «целых сотен» куплетов уцелели лишь единицы — помимо строф о Льве Пушкине и Федоре Глинке это фрагмент куплета с колоритной рифмой «Абелярда — пулярда», припомненный Соболевским в том же письме к Лонгинову³, и начало строфы о непреходящем секретаре Академии Российской П. И. Соколове⁴.

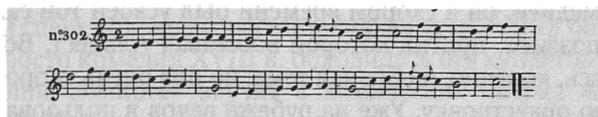
В собраниях сочинений Дельвига и Баратынского, начиная с изданий 1934 и 1936 гг., всегда печатались две полные строфы — о Льве Пушкине и Федоре Глинке ([Дельвиг 1934: 430], [Баратынский 1936: I, 328]). Комментарии к ним сосредоточивались по преимуществу на библиографических перипетиях и литературно-бытовых пояснениях о гастрономических привычках Льва Пушкина.

Особенности куплетной строфики и, соответственно, «голос», на который эти стихи, очевидно, исполнялись, привлекли внимание только Б. В. Томашевского, бегло отметившего в примечаниях к изданию Дельвига 1934 г., что «куплеты эти сочинены на мотив старинной французской песенки (“La bonne aventure”)» [Дельвиг 1934: 502]. В последующих комментариях это наблюдение Томашевского развития не получило, в то время как обращение к истории названного им куплетного мотива позволяет составить представление о стоящей за ним литературной и музыкальной традиции и оценить семантический ореол куплетной строфы, выбранной Дельвигом, Баратынским и «компанией».

³ «Ну зачем тут на стене / Ты повесил Абелярда / / И стократ приятней мне / Потопленная в вине / Жирная пулярда» [Соболевский 1927: 42–43].

⁴ «Непреходящий Секретарь / Соколов Россейской, / О запачканная тварь / С харей фарисейской и т. д.» ([Баратынский 2012: 168]).

Песенка с рефреном «La bonne aventure, ô gué» («О, счастливый случай! / О прекрасное приключение!») принадлежит к числу известных «голосов», на которые в изобилии сочинялись разнообразные куплеты и арии в опереттах и комических операх. Об исключительной популярности этого мотива во Франции свидетельствует его включение в такие важнейшие песенники, как «La clef des chansonniers» (1717) и «La clé du caveau» (1810; № 302)⁵.

Ноты «La bonne Aventure ô gué» (№ 302) в «Ключе погребка»
[La clé du caveau 1811: 133]

Историки французской песни возводят «La bonne aventure» к середине XVI в., приписывая ее сочинение самому Ронсару, а рефрен («La bonne aventure, ô gué») связывают с названиями загородного поместья наваррского короля Антуана Бурбона, отца Генриха IV⁶. Заметное литературное бытование куплетов на этот голос начинается с середины XVII в., а именно с мольеровского «Мизантропа» (премьера — 4 июня 1666 г.). Два куплета «старинной песни», где «прямо говорит живая страсть», цитирует Альцест Оронту (действ. I, сц. II), ругая «вкус плохой», «манерность новых дней», вычурность и кривляние новой поэзии:

Le méchant goût du siècle en cela me fait peur:
Nos pères, tous grossiers, l'avoient beaucoup meilleur;
Et je prise bien moins tout ce que l'on admire,
Qu'une vieille chanson que je m'en vais vous dire:

Si le roi m'avoit donné
Paris sa grand'ville,
Et qu'il me fallût quitter
L'amour de ma mie,
Je dirois au roi Henri:
Reprenez votre Paris,
J'aime mieux ma mi, o gué!
J'aime mieux ma mie.

⁵ См. также представительный перечень песен, написанных на этот мотив, в фундаментальном справочнике [Laforte 1983: 45–46]. Первые две фразы мелодии, по всей видимости, повторялись, что соответствовало структуре катрена мжмж.

⁶ См., например, [Dictionnaire des proverbes français 1823: 65–66], [Triger 1904: 22–38]; в последней работе см. также ряд сведений об истории интересующего нас мотива.

La rime n'est pas riche, et le style en est vieux:
 Mais ne voyez-vous pas que cela vaut bien mieux
 Que ces colifichets, dont le bon sens murmure,
 Et que la passion parle là toute pure?

[Molière 1823: 57–58]⁷

Однако этому мотиву было суждено недолго оставаться образцом простой и трогательной старинной песни. Актуализированный мольеровской комедией, он в скором времени был усвоен той самой новой, галантной поэзией, против которой восставал Альцест. Востребованной оказалась, конечно, любовная тема, но она очень скоро приобрела совсем иную оркестровку. Уже на рубеже веков в пользовавшейся известностью комедии Ф. К. Данкура (который в молодости прославился ролью Альцеста в мольеровском Мизантропе) «Три кузины» (первое представление — 18 октября 1700 г.) появляются куплеты на голос «La bonne aventure», восхваляющие прелести разделенной любви, ради которой не грех обмануть мужа или строгого наставника:

Jeunes filles qui portez
 Blonde chevelure,
 L'Amour vient de tous côtés
 Rendre hommage à vos beautés.
 La bonne aventure, ô gué!
 La bonne aventure! <...>

Voir sans obstacle un ami,
 Bagatelle pure;
 Mais pour un amant chéri
 Tromper tuteur ou mari,
 La bonne aventure, ô gué!
 La bonne aventure! <...>

⁷ В первом русском переводе (1778), выполненном И. П. Елагиним: «...вкус отцов наших конечно лучше нынешнего был; мне все то смешно, чему теперь дивятся, и одна старинная песенка меня прельщает гораздо больше всего нынешнего вздору. Я ее вам скажу: — Есть ли б дал мне наш Король / Все свое владенье, / И велел бы мне отстать / От моей любезной; / Я сказал бы Королю: / Не давай мне ничего; / Мне вселенной всей милее / Дорогие очи. — Тут нет рифм и мысль самая простая; но не видите ль вы, что при всем том это лучше всех тех сумасбродов, при которых страждет разум, и что тут говорит одна страсть» [Мизантроп 1788: 28]. Отметим, что исполнения этих куплетов в русском «Мизантропе» зритель-современник Баратынского услышать не мог: комедия Мольера в 1815–1825 гг. шла в переводе Ф. Ф. Кокоскина ([Мизантроп 1816]; см. [ИРДТ 1977: 493]), который, в соответствии с распространенным принципом «склонения на наши нравы», заменил куплеты сходной по тематике песней, имитирующей фольклорный стих («Заплати, мой друг, за любовь мою, / Заплати ты мне не подарками, <...> Заплати одним словом ласковым, / Скажи: милая, я люблю тебя!» [Мизантроп 1816: 22]).

Si l'Amour, d'un trait charmant,
 Vous a fait blessure,
 Prenez pour soulagement
 Un gaillard fait comme Armand.
 La bonne aventure, ô gué!
 La bonne aventure!

[Dancourt 1780: 51]⁸

В последующие годы популярность мотива «La bonne aventure» на театральной сцене только возрастает. Редкая комическая опера, опера-буфф или просто комедия XVIII в. обходилась без куплетов на этот голос. «La bonne aventure» звучит в комических операх А. Пирона⁹, А. Р. Лесажа¹⁰, Л. Фюзелье¹¹. Ряд можно продолжить примерами из сочинений «легких» драматических авторов более позднего времени — известных в свое время сочинителей комедий и комических опер Ж.-Ж. Ваде, Ш.-Ф. Панара, О.-Ж.-Б. Дефокоппре¹².

Куплеты из комедии Данкура определили тематику большого числа песен на этот мотив. Так, в сборнике «La clef des chansonniers» мы найдем галантную песенку «Belle, regardez ma main...», представляющую собой монолог несчастного влюбленного, умоляющего о снисхождении жестокою красавицу:

Belle, regardez ma main.
 Je vous en conjure.
 Dois-je soupirer en vain,

⁸ Куплеты Данкура написаны также распространенной укороченной строфой, в которой отсутствуют две строки в первом катрене.

⁹ См.: «Oracle, de qui j'attends / La vérité pure: / Daigne m'entendre, et m'apprends, / Sur deux points très-importans, / Ma bonne aventure, ô gué! Ma bonne aventure» («L'Antre de Trophonius, opéra-comique» (1722), scène VII; [Piron 1776: 99]); «Grazinde: Le ventre de Monstre m'a / Servi de clôture: / Le beau doute que voilà! / Pouvois-je vous trahir là? Espadavantavellados: La bonne aventure, ô gué! La bonne aventure» («L'Endriague, opéra-comique» (1723), acte III, scène V; [Piron 1776: 178]); «M. Garguille: <...>: Ici, tout nouvellement, / La Magistrature, / Pour nous éveiller gaîment, / Établit un Claperman. Mad. Gautier: La bonne aventure, ô gué! / La bonne aventure» («Le Claperman, opéra-comique», acte I, scène VII; [Piron 1776: 235–236]).

¹⁰ «Arlequin: Mais je n'y vois en effet / Point de ternissure! / Le Roi: Le ciel remplit mon souhait. Pierrot: Vous trouvez donc votre fait? / La bonne aventure, / O gué...! / La bonne aventure!» (La Statue Merveilleuse (1719); act III, scène II; [Le Sage 1810: 345]).

¹¹ См., например: «Qui n'est pas bien amoureux / Craigne la brûlure, / L'amant le plus généreux / Peut seul passer dans ces feux. / La bonne aventure ô gué, / La bonne aventure!» («Amadis le Cadet, parodie d'Amadis de Grèce, représentée pour la première fois par les Comédiens italiens ordinaires du Roy, le 24 mars 1724», scène VIII; [Les parodies 1731: 114]).

¹² Ср., например, куплет в заключительной сцене комической оперы Ваде «Le Poirier» [Vadé 1771: 158], а также строфы в опере Панара «Pygmalion, ou la Statue animée» [Panard 1763: 230; scène II], опере-буфф Дефокоппре «La papesse Jeanne: opéra-bouffon, en vaudevilles, en trois actes» [Defauconpret 1793: 55–56] и др.

Dites-moi pour le certain,
 La Bonne aventure, o gué,
 La Bonne aventure!
 <...>
 Changerez-vous en douceurs,
 Les maux que j'endure?
 Et sensible à mes douleurs,
 Aurais-je après vos rigueurs,
 La Bonne aventure, o gué,
 La Bonne aventure?

[Clef des chansonniers 1717: II, 240].

К той же традиции гривуазных куплетов примыкала распространенная в сборниках песенка Колле «*Cadet et Babet*» (1740), рассказывавшая историю о воре, наградившем героя тумачами, а героиню поцелуями:

«Un soir revenait Cadet,
 Ce n'est pas sa faute.
 Tenant sous le bras Babet,
 La fille à notre hôte;
 Un voleur saisit Cadet;
 Un voleur saisit Babet;
 C'est bien la faute du guet,
 Ce n'est pas leur faute!»

(цит. по: [Duneton 1998: I, 852]).

Любовно-галантные сюжеты фривольных куплетов на мотив «*La bonne aventure*» со временем осложнялись сатирическим заданием, и постепенно все большее распространение получали собственно сатирические куплеты, прежде всего на острополитические темы. Особенного расцвета песни такого рода получили в годы Французской революции и время, ей предшествовавшее.¹ Так, исключительную известность имели куплеты под названием «Предсказание Тюрго» («*La Prophetie Turgotine*», 1775–1777), автором которых называли в том числе знаменитого автора «Садов» Ж. Делиля:

Vivent tous nos beaux esprits
 Encyclopédistes,
 Du bonheur français épris,
 Grands Economistes!
 Par leurs soins, au tems d'Adam
 Nous reviendront, c'est leur plan;
 Momus les assiste,
 O gué!
 Momus les assiste. <...>

Du meme pas marcheront
 Noblesse et roture;
 Les François retourneront
 Au droit de nature.
 Adieu, parlement et loix,
 Ducs et pairs, princes et rois:
 La bonne aventure:
 O gué!
 La bonne aventure.

Puis devenus vertueux
 Par philosophie,
 Les Français auront des dieux
 A leur fantaisie.
 Nous reverrons un oignon,
 A Jésus damer le pion;
 Ah! quelle harmonie,
 O gué!
 Ah, quelle harmonie. <...>

[L'observateur anglois 1779: 364–366]

Как представляется, к подобного рода пародийным памфлетам в стихах генетически наиболее близки шуточные куплеты Баратынского и Дельвига — с тем только отличием, что сатира и сарказм песен Французской революции в данном случае уступают место иронии и вполне добродушному подтруниванию над приятелями; в особенности это касается куплета о Льве Пушкине. Но если вспомнить известную лишь в неполном варианте строфу о непременно секретаре Российской Академии Соколове («Непременный секретарь / Соколов Россейской, / О запачканная тварь / С харей фарисейской»), то подобная параллель оказывается еще более близкой.

Значение этой сатирической традиции для сочинения Баратынского и Дельвига представляется тем более существенным, что к середине 1820-х гг. в сферу их активных литературных интересов попадает современный поэт, в творчестве которого французская куплетная традиция, в том числе сатирическая, оказывается едва ли не доминирующей. Этот поэт — Пьер-Жан Беранже.

Специальное внимание Дельвига к его песням хорошо известно¹³, в первую очередь, пожалуй, благодаря его шуточному экспромту по случаю несчастного происшествия с книгой Беранже, выпавшей из рук заснувшего Соболевского:

¹³ Об обращении Дельвига к поэзии Беранже, прежде всего в связи с переводом песни «*Le bon Dieu*», см. [Томашевский 1933: 161–162], [Старицына 1969: 13–16], [Старицына 1980: 12–14].

Хвостова кипа тут лежала,
 А Беранже не уцелел!
 За то его собака съела,
 Что в песнях он собаку съел.

[Дельви́г 1986: 170]

Дельви́гу принадлежит перевод известной сатирической песни Беранже «*Le bon Dieu*» — «Однажды бог, восстав от сна...» [Там же: 157–158]. На песни Беранже, вероятно, ориентировано и сатирическое послание «Петербуржским цензорам» («Перед вами нуль Тимковский!..»), тоже написанное на известный голос («Гром победы раздавайся...») [Там же: 164–165]¹⁴.

Среди песен Беранже обнаруживаются и куплеты на мотив «*La bonne aventure*» — одна из ранних и известных его песен «*La Gaudriole*» (1812), которую, как кажется, можно числить среди ближайших метрических источников для Дельви́га и Баратынского:

Momus a pris pour adjoints
 Des rimeurs d'école:
 Des chansons en quatre points
 Le froid nous désolé.
 Mirliton s'en est allé.
 Ah! la muse de Collé,
 C'est la gaudriole,
 O gué,
 C'est la gaudriole. <...>

On ne rit guère aujourd' hui.
 Est-on moins frivole?
 Trop de gloire nous a nui;
 Le plaisir s'envole.
 Mais au français attristé,
 Qui peut rendre la gaîté?
 C'est la gaudriole,
 O gué,
 C'est la gaudriole.

Prudes, qui ne criez plus
 Lorsqu'on vous viole,
 Pourquoi prendre un air confus
 A chaque parole?

¹⁴ Показательно, что это стихотворение, как и куплеты на мотив «*La bonne aventure*», содержит иронию в отношении духовных стихов Федора Глинки: «Вас и дух святы́й робеет: / Он, как мы, у вас в когтях; / Появиться он не смеет / Даже в Глинкиных стихах».

Passez les mots aux rieurs:
 Les plus gros sont les meilleurs
 Pour la gaudriole,
 O gué,
 Pour la gaudriole.

[Beranger 1816: 12–14]

Генетическая связь строф Дельвига и Баратынского с французской традицией пародийно-сатирических куплетов ярче видна в сопоставлении с другими примерами отечественной адаптации мотива «*La bonne aventure*». Куплеты на тот же голос можно найти среди «домашних» шуточных стихов В. А. Жуковского — в «греческой балладе» «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста», сочиненной в Муратове в 1811 г. [Жуковский 1999: 169–175], а также стихотворении «Похождение, или Поход первого апреля» [Там же: 322–326], датированном 1814 г.

Как и в случае с куплетами на Льва Пушкина и Федора Глинку, речь идет о текстах «для немногих», стихах с кружковой семантикой, рассчитанных на бытование в узком дружеском кругу. Стихи Жуковского, включающие строфы на мотив «*La bonne aventure*», также шутливо пародийны, однако их композиция скорее позволяет говорить об ориентации на комедийную, театральную традицию: подобно текстам многих комических опер и оперетт, строившимся как последовательность арий и песенок на разные популярные мотивы, названные стихотворения Жуковского состоят из куплетов, написанных на разные голоса. Мотив «*La bonne aventure*» не выступает общей скрепой для разных строф, но, напротив, оказывается лишь одним из многих голосов, использованных в этих полиметрических текстах. Так, например, «Похождения, или Поход первого апреля» открываются двумя строфами на голос «*La bonne aventure*»:

Был-жил в свете Букильон
 И поэт Жуковский!
 Букильону снился сон
 Про пожар Московский!
 Видел также он во сне,
 Что Профессор на коне
 Ехал по Покровской.
 Ай, жги!¹⁵
 Ехал по Покровской!

О ужасный! грозный сон!
 Знать перед кручиной!

¹⁵ Как кажется, в данном случае мы имеем дело с изящным фонетическим переводом: «*o gué*» передано как «ай, жги» — распространенный припев (в том числе цыганских песен).

Вот проснулся Букильон,
 Чистит зубы хиной!
 Пробудился и поэт,
 И смиренно он одет
 В свой тулуп овчинной!
 Ай, жги!
 В свой тулуп овчинной!

[Там же: 322]

Затем следует «речитатив» («И важно к Тихону воскликнул Букильон...»), а за ним — «арии» на различные мотивы: «Où, noir, mais pas si diable...», «Triste raison»¹⁶, «Дубрава шумит...»¹⁷ и т. д.

Сходным образом устроена и «греческая баллада» «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста», композиция которой еще более прихотлива: основной текст, написанный восьмистишными строфами четырехстопного хорей, перебивается французскими разнометрическими вставками, сочиненными на разные голоса — помимо «La bonne aventure», это такие известные арии, как «Triste raison...» (№ 573), «Je suis Lindor...» (№ 640), «Que ne suis-je la fougère...» (№ 490)¹⁸.

В завершение следует сказать, что мотив «La bonne aventure» успешно пережил эпоху Жуковского и Баратынского: еще при жизни обоих поэтов на этот голос была сложена детская песенка¹⁹, которую и сейчас легко можно услышать:

¹⁶ Оба этих голоса также входят в песенный каталог «La clé du Caveau»: «Où, noir, mais pas si diable...» (№ 438), «Triste raison, l'abjure ton empire...» (№ 573).

¹⁷ «Дубрава шумит...» — известный романс на стихи самого Жуковского «Тоска по миллом» (1807) [Там же: 115–116, 514–515], не раз положенные на музыку — в том числе А. А. Плещеевым (1808), близким другом Жуковского и хозяином имения Чернь, с которыми связаны эти шуточные куплеты.

¹⁸ В скобках приведены порядковые номера соответствующих голосов в песеннике «Ключ погребка» [Clé du caveau 1811]. Отметим комментаторскую неточность в новейшем собрании сочинений Жуковского — название «арии» «Je suis Lindor...» прочитано неверно как «Je suis Liador...» [Жуковский 1999: 172, 563], а также курьезное примечание к голосу «Que ne suis-je la fougère...» («Ах, зачем я не папоротник...»), заглавие которого неверно передано как «Что я, папоротник?»: «В романских языках слово „папоротник“ имеет переносный смысл, приблизительно передаваемый русской идиомой „лопух“» [Там же: 563]. В данном случае источник комического эффекта, конечно, не в буквальном обыгрывании названия, а в соположении шуточного текста о «грусти зажаренных уток» с лирической песней, приписываемой Дж. Перголези, на слова Ш. А. Рибутте (Riboutté): «Que ne suis-je la fougère / Où, sur le soir d'un beau jour, / Se repose ma Bergère / Sous la garde de l'Amour? / Que ne suis-je le zéphyre / Qui rafraîchit ses appas, / L'air que sa bouche respire, / La fleur qui naît sous ses pas!» (см., например, [Le Petit Chansonnier 1780: 23]; в некоторых изданиях песня названа подражанием XX оде Анакреона).

¹⁹ Самое раннее из известных нам свидетельств о существовании «детского» варианта песни на мотив «La bonne aventure» содержится в мемуарах герцогини Л. д'Абрантес [D'Abrantes 1836: 28].

Je suis un petit poupon,
 De bonne figure,
 Qui aime bien les bonbons
 Et les confitures:
 Si vous voulez m'en donner,
 Je saurai bien les manger.
 La bonne aventure,
 Oh! gail
 La bonne aventure.

[Chansons enfantines 1859: 164–166]

Литература

- Баратынский 1936 — Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений / Ред., коммент. и биографич. ст. Е. Купреяновой и И. Медведевой; Вступ. ст. Д. Мирского. Т. 1–2. [Л.], 1936. (Библиотека поэта. Большая серия).
- Баратынский 1914–1915 — Полн. собр. соч. Е. А. Баратынского / Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. Т. 1–2. СПб., 1914–1915.
- Баратынский 2012 — Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1: «Сумерки». Стихотворения 1835–1844. *Juvenilia*. Коллективное. *Dubia* / Ред. А. С. Бодрова, Н. Н. Мазур. М., 2012.
- Дельвиг 1912–1913 — Дельвиг А. И. Мои воспоминания / [Предисл.: Г. Георгиевский]. Т. 1–4. М., 1912–1913.
- Дельвиг 1934 — Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений / Ред. и примеч. Б. В. Томашевского; Вступ. ст. И. Виноградова и Б. Томашевского. [Л.], 1934.
- Дельвиг 1986 — Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Э. Вацура. Л., 1986.
- Жуковский 1999 — Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 годов / Ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. М., 1999.
- ИРДТ 1977 — История русского драматического театра: В 7 т. Т. 2: 1801–1805. М., 1977.
- Мизантроп 1788 — Мизантроп, или Нелюдим: Комедия в пяти действиях / Сочинения г. Мольера; [Перевел И. П. Елагин]. М., 1788.
- Мизантроп 1816 — Мизантроп: Комедия в 5 д., в стихах / Соч. Молиера; Пер. Ф. Кокошкин. М., 1816.
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Соболевский 1927 — Беляев М. Д. Соболевский о Пушкине // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 31/32. Л., 1927. С. 35–48.
- Старицына 1969 — Старицына З. А. Беранже в России. XIX век. М., 1969.
- Старицына 1980 — Старицына З. А. Беранже в русской литературе. М., 1980.

- Томашевский 1933 — Томашевский Б. Дельвиг (II. Дельвиг и Беранже) // Звезда. 1933. № 7. С. 161–162.
- Beranger 1816 — Beranger P. J. Chansons morales et autres avec Gravures et Musique. P., 1816.
- Chansons enfantines 1859 — Chansons et rondes enfantines / Par T. M. Dumersan. P., 1859.
- Clé du caveau 1811 — La clé du Caveau, à l'usage de tous les chansonniers français. Par C***, du Caveau Moderne. P., 1811.
- Clef des chansonniers 1717 — La Clef des Chansonniers: ou Recueil des Vaudevilles depuis cent ans & plus / Par J. B. Christophe Ballard. T. 1–2. P., 1717.
- D'Abrantes 1836 — Mémoires sur la restauration: ou Souvenirs historiques sur cette époque, la révolution de juillet et les premières années du règne de Louis-Philippe Ier / Par Madame Duchesse d'Abrantès. T. 6. P., 1836.
- Dancourt 1780 — Les trois cousines: comédie en trois actes, en prose, avec trois divertissements, de Dancourt. P., 1780.
- Defauconpret 1793 — [Defauconpret A.-J.-D.] La papesse Jeanne: opéra-bouffon, en vaudevilles, en trois actes. P., 1793.
- Dictionnaire des proverbes français 1823 — Dictionnaire des proverbes français 1823 / Par M. de La Mésangère. 3-e éd. P., 1823.
- Duneton 1998 — Duneton C. Histoire de la chanson française des origines à 1860. T. 1–2. P., 1998.
- L'observateur anglois 1779 — L'observateur anglois, ou correspondance secrète entre Milord All'eye et Milord All'ear. T. III. L., 1779.
- Laforte 1983 — Le catalogue de la chanson folklorique française. Vol. VI: Chansons sur des timbres / Par C. Laforte. Québec, 1983 (Les Archives de folklore. Vol. 23).
- Le Petit Chansonnier 1780 — Le Petit Chansonnier François, ou Choix des meilleures chansons, sur des airs connus. Vol. 2. Genève, 1780.
- Le Sage 1810 — Oeuvres choisies de Le Sage. T. 14: Théâtre de la Foire. T. 2. P., 1810.
- Les parodies 1731 — Les parodies du nouveau théâtre italien ou, Recueil des parodies représentées sur le théâtre de l'Hôtel de Bourgogne, par les Comédiens italiens ordinaires du Roy. T. 2. P., 1731.
- Molière 1823 — Oeuvres complètes de Molière. T. 4. P., 1823.
- Panard 1763 — Théâtre et Oeuvres diverses de M. Pannard. T. 1. P., 1763.
- Piron 1776 — Piron A. Œuvres complètes. T. III. P., 1776.
- Triger 1904 — Triger R. La fabrique de toiles de Fresnay-sur-Sarthe et la fête de la Saint Bonaventure // Revue historique et archéologique de Maine. 1904. T. 56. Second semestre. P. 5–47.
- Vadé 1771 — Oeuvres complètes de M. Vadé, ou Recueil des Opéra-Comique et Parodies, qu'il a donné depuis quelques années. T. 1. La Haye, 1771.

НЕ

*Музыкальное
Приношение,*

ИЛИ

Allegro affettuoso

Сборник статей
к 65-летию Бориса Ароновича Каца

Редакторы-составители:
*Александр Долинин, Илья Доронженков,
Людмила Ковнацкая, Наталия Мазур*

Издательство
Европейского университета в Санкт-Петербурге
2013